

В.А. СУХОМЛИНСКИЙ в журнале «Народное образование»

Василий Александрович Сухомлинский (1918–1970) был, пожалуй, самым известным советским педагогом послевоенного времени. У статей и книг Сухомлинского счастливая читательская судьба. Так вышло, что именно Сухомлинский стал учителем самого высокообразованного и, пожалуй, самого ранимого и рефлексирующего поколения в истории нашей страны. Наверное, он безошибочнее других чувствовал болевые точки времени, честнее, искреннее и мужественнее отвечал на насущные вопросы. Пускай это звучит банально, но он прожил сложную и счастливую жизнь — да и может ли талантливый человек жить и развиваться в оранжерее?

Прометеевское восстание против косности, против равнодушия и выхолащивания «весёлой науки» — вот педагогический подвиг Сухомлинского, продолжающего «скреплять любовью» своих учеников и последователей и по сей день. Коммунизм Сухомлинского — это коммунизм Прометея. Сейчас не в ходу цитаты из Маркса, но мы помним, что основоположник учения писал: «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре». Вот таким Прометеем, страдающим за убеждения, приносящим в жертву своё благополучие ради общественного блага, должен был быть и любимый герой Корнея и Ломоносова, Расина и Державина, Поупа и Рылеева. Всё это — почва советской школы, «истоки и смысл» педагогики Сухомлинского.

Воспоминания о публицистике Сухомлинского, о жизненном пути одного из наших любимых авторов вызывают ассоциации с тютчевским:

«Скрепить единство можно
только кровью,
Провозгласил оракул наших дней,
А мы попробуем скрепить его
любовью
И там посмотрим, что прочней».

«Пишу об этом только Вам...»

Десять лет активного сотрудничества с журналом, десять лет постоянной переписки с заместителем главного редактора А.Е. Боймом...

В письмах, которые мы публикуем с очень небольшими сокращениями, открывается несколько иной, чем в книгах, Сухомлинский: сомневающийся, страдающий. Но, как и в книгах, — бесконечно любящий своё дело и неизмеримо трудолюбивый...

1962 г.

Добрый день,

дорогой Александр Евсеевич!

...Моё выступление в «Комсомолке» — это, по существу, не моё только мнение и убеждение, а мнение и убеждение тысяч и тысяч учителей. Меня просили написать такое письмо в «Правду» или «Комс. правду» — и просили не в частных беседах, а на собраниях, конференциях. Если министр (речь идёт о тогдашнем минис-

Идеи Сухомлинского были исключительно своевременными. Железный двадцатый век, «век-волкодав», казалось, не оставлял нам времени думать о душе. Само понятие «душа» воспринималось безнадежно старомодным, как кринолины и буква «ять». Суровый век целеустремлённых, цельных, сильных людей должен был отбросить всё слезливое, сентиментальное. Чем жёстче внушали нам эти иллюзорные истины, тем больше мы нуждались в явлении такого мыслителя, как Сухомлинский. Он увидел в коммунистической идее огромный духовный потенциал. Но это было лишь первое движение мысли. Он стремился соединить коммунистическую идею с христианской этикой, заполнить тот вакуум, который возник в сознании наших школьников после запрета религии. «А мы попробуем скрепить его любовью...» Сейчас, говоря о Сухомлинском, многие стыдливо замалчивают коммунистические убеждения великого педагога. Как же мы любим опреснять классиков, делать из них чеховских «душечек» по образцу каждой новой эпохи... Для понимания идей Сухомлинского будем иметь в виду его веру в коммунизм. Без этого важнейшего мировоззренческого пласта не понять ни «атеизма» Сухомлинского, ни его «абстрактного гуманизма», вызывавшего напряжённые дискуссии.

Василий Александрович Сухомлинский родился в Васильевке — украинском селе, ныне приписанном к Онуфриевскому району Кировоградской области. Родился в бедной и честной крестьянской семье. В 1933 году окончил семилетку, затем — годичные подготовительные курсы при Кременчугском пединституте. Семнадцати лет начал учительскую деятельность, одновременно учась на филологическом факультете Полтавского педагогического института. С лета 1941 молодой учитель рвался на войну защищать Родину. Наконец, был призван. А в 1942-м, в кровавой битве подо Ржевом, был тяжело ранен. Сколько раз потом он читал ученикам строки Твардовского, пропущенные через сердце: «Я убит подо Ржевом...» — это ведь про ту, «его» битву. И окажись та рана смертельной, самому Сухомлинскому — неизвестному солдату — могли бы быть посвящены строки, от которых влажнеют глаза:

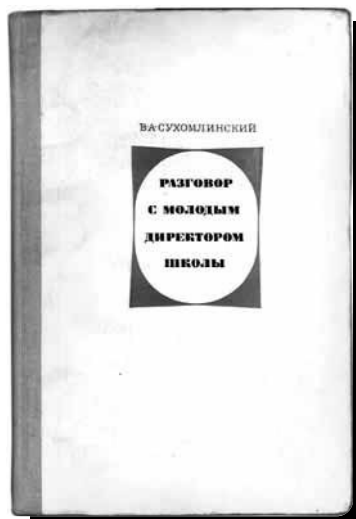
Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушинный
На заре по росе,
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе...

Человек такой судьбы не мог относиться к литературе как к рутинной дисциплине. Для него, прошедшего через то, что умеют передавать с художественной силой лучшие наши писатели, искренность стала главным мерилем отношения к литературному произведению. Искренность писателя, искренность читателя, искренность учителя, искренность школьника. Василий Александрович и сам писал стихи и не стеснялся иногда читать их своим ученикам (согласитесь: очень ответственный поступок для любого учителя). Делился он с учениками и другими своими горячими литературными впечатлениями — возможно, читал и Твардовского, «Я убит подо Ржевом». Не мог он пройти мимо этого стихотворения.

До конца жизни осколки от немецкой мины будут шевелиться в его теле — до последнего дня... О чём думал этот молодой учитель литературы, искренний и впечатлительный человек, на своём поле боя? Думаю, мы окажемся недалеке от истины, если предположим, что думал он и о Льве Толстом, и об Андрее Болконском, о небе над Аустерлицем... Вспоминал давно знакомые любимые страницы, которые не раз изучал вместе со школьниками до и после войны. И, конечно, с обретением личного фронтового опыта толстовские страницы «Войны и мира» воспринимались острее. Не тогда ли мелькнула мысль Василия Александровича: может быть, учитель и должен добиваться острого восприятия литературы, чтобы школьники чувствовали себя павшими в траву Аустерлица?.. Самые трагические обстоятельства жизни становятся сырьём для профессиональных открытий педагога. Так и должно быть в творчестве: нет важнейшего урока, чем уроки жизни.

На фронте Василий Александрович был ротным политруком — из тех, кто действовал, поднимая роту в бой под лавиной огня, как в стихотворении Александра Межирова «Коммунисты, вперёд!». Эти стихи с пятидесятых годов знали наизусть все школьники. Помните?

Жгли мосты
На дорогах —
От Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя,
И на башнях
Закопанных в пашни «КВ»
Высыхали тяжёлые капли дождя.
И, без кожуха,
Из сталинградских кварталов
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лёд.
И тогда,
распрямясь,
сказал
командир:
— Коммунисты, вперёд! Коммунисты, вперёд!

Это написано и про Сухомлинского — коммуниста, фронтовика. В то время подвиг был главной привилегией коммуниста: Гитлер поклялся извести большевистский дух, уничтожив каждого члена партии. Такие люди, как Сухомлинский, приняли вызов. А война прошла по судьбе Василия Александровича своим безжалостным сапогом: жену немцы повесили, а маленького сына убили. Израненный, после госпиталей, он с ещё большим рвением приступил к учительскому труду: за войну многое было передумано, много идей родилось. Сначала он, кавалер боевого ордена Красной Звезды, работал директором школы в Удмуртии, позже стал заведовать районным отделом образования в родной Кировоградской области. Работа предстояла не бумажная, нужно было восстанавливать школы, разрушенные войной, собирать по крохам учительские коллективы. Но всё же это было дело не для Сухомлинского. Его тянуло в школу, на свою родину, в Кировоградчину. И, конечно, такая работа нашлась. В 1947 году В.А. Сухомлинский стал директором Павлыш-

письма в.а. сухомлинского
тре просвещения РСФСР Е.И. Афанасенко. — Прим. ред.) считает это критическое письмо «подкопом под реформу», если он считает неправильными замечания о распределении часов математики и труда, то, значит, он не боится за будущее школы, не видит, как снижается уровень знаний по общеобразовательным предметам. «Из всех народов первым всегда будет тот, который опередит другие в области мысли и умственной деятельности» (Л. Пастер), — над этими словами надо глубоко задуматься. Я глубоко убеждён, что самый дух реформы школы требует сейчас максимального и исключительного внимания к теоретическому образованию, особенно к знаниям по математике.

Меня возмущает замечание о том, что я против труда. Если это сказал министр, то я позволю себе спросить у него (или того, кто это говорил): знает ли он, чем мы занимаемся сейчас, вот в эти летние дни? Как он смеет говорить это, когда вот я в течение месяца работаю вместе с учениками в тракторной бригаде, когда все наши ученики трудятся? Я сам убрал комбайном гектаров двадцать, без труда не могу жить, все наши ученики любят труд. Какими ничтожными, смешными, жалкими кажутся мне эти нападки! Если эти нападки будут продолжаться, если меня будут травить так, как это имеет место сейчас, я вынужден буду обратиться с письмом лично к Н.С. Хрущёву, рассказать о тех, кто уподобляется флюгеру. Думаю, что он поймёт меня, обратит внимание на моё письмо...

«Комс. правда» правильно сделала, опубликовав это письмо. Оно написано кровью, в нём — горе учителя

ПИСЬМА В.А. СУХОМЛИНСКОГО

лей. Я получил свыше тысячи двухсот писем — откликов на это письмо. Ни в одном нет ни слова о том, что я против труда... Почему же в министерстве так не любят критики? Ведь учебный план никуда не годится, об этом говорят все учителя. Да и вообще разве нельзя высказать на страницах газеты то, что подсказывает жизнь? Вот недавно «Комсомолка» опубликовала статью «Пусть победит сильнейший», в которой доказывается, что двухлетний стаж для поступающих в институт не нужен. Что же — это тоже «подкоп под реформу»? Ведь в Законе о школе говорится об этом стаже, а о количестве часов на труд не говорится! Жизнь требует еще многого. Например, того, чтобы нынешний уровень среднего образования давался не за 11 лет, а за 10 или 9. Этого требует научно-технический прогресс. Это можно осуществить, вся беда в том, что наши методы обучения страшно отстают. Жизнь требует, чтобы после 9- или 10-летней средней школы было переходное звено между средней и высшей школой. Это, несомненно, будет, это звено будет самостоятельным. За 9–10 лет можно дать то, что мы даём сейчас за 11. Теперь я боюсь об этом говорить. Но ведь это же будет, будет обязательно!..»

С уважением, В. Сухомлинский

P. S. В Москве очень хочется побывать, но пока нет повода.

Сейчас мы готовимся к осеннему сезону. Думаю, что весной 1963 г. ученики будут не только управлять трактором, комбайном, автомашиной, но и летать. Это очень заманчиво. Это вносит в труд романтику. Попробуй

ской средней школы, расположенной вдали от всех столиц, — и это назначение было решающим в его жизни. Он и умер в 1970 году директором Павлышской школы, которой суждено было на многие годы стать педагогической Меккой.

Первая публикация В.А. Сухомлинского в центральной прессе состоялась в 1949 году. В «Учительской газете» он опубликовал «Заметки директора». Это был традиционный жанр директоров школ — лаконичная корреспонденция, показывающая «товар лицом», — работу сельской школы. Такие информации позволяли читателям «Учительской газеты» получать представление о школьной жизни во всей стране. Для директоров школ был некий официальный отчёт — с соответствующими требованиями к языку, к проблематике. Но информация Сухомлинского всё же привлекла читательское внимание особой доверительной интонацией, чёткостью мысли, как у хорошего университетского лектора, который, на глазах у студентов поводя плечом, ищет нужное слово — единственное, самое точное — и находит его ко всеобщему благодарному удовольствию. Это действенный педагогический приём, вовлекающий аудиторию в творчество — и Сухомлинский нередко пользовался им как на уроках, так и в публицистике. Но 1949 год — год дебюта В.А. Сухомлинского в «Учительской газете» — не принёс педагогу всесоюзной известности. Звёздный час Сухомлинского был связан с журналом «Народное образование», с сотрудничеством великого педагога в нашем издании. Началось это в 1957 году. Первая публикация Василия Александровича в журнале пришлась на десятый номер. Знаменательно, что эта статья педагога, учение которого нередко противопоставляют учению А.С. Макаренко, называлась «На первых порах трудовой жизни» и была посвящена проблемам трудового воспитания. С этой небольшой по объёму статьи началась долгая жизнь Сухомлинского на страницах «Народного образования» — жизнь, продолжающаяся и ныне. За это время в журнале появилось не менее ста публикаций В.А. Сухомлинского и о В.А. Сухомлинском. Три десятка статей Василия Александровича напечатано в «Народном образовании» до 1970 года, до его кончины. Ещё около десяти его статей журнал опубликовал после смерти педагога. А публикации о Сухомлинском в журнале начали появляться с шестидесятых годов, когда вокруг идей Василия Александровича кипели страсти, заваривались дискуссии. Сухомлинскому оппонировали, его защищали... Но время — самый беспристрастный эксперт — и оно всё расставило по своим местам: после смерти Сухомлинского наследие педагога признано классикой советской педагогической науки. В этой «педагогической академии» учились и продолжают учиться тысячи российских учителей. Личность Сухомлинского, его наследие ещё долго будут располагать к серьёзному творческому осмыслению. Пиетет педагогов и исследователей перед В.А. Сухомлинским был вполне искренним — и, отталкиваясь от идей классика, они делали свои малые и большие открытия. Вот почему статьи, посвящённые Сухомлинскому, нередко становились самыми интересными в «Народном образовании» семидесятых, восьмидесятых, девяностых... В конце восьмидесятых годов, когда советские святцы были подвергнуты сплошному пересмотру, печальная участь не избежала и Сухомлинского. Человека, с семнадцати лет не отрывавшегося от педагогической практики, обвиняли в прожектёрстве, в маниловщине, а его уникальный опыт назвали «педагогикой благих пожеланий»... Как это часто бывает, его, не желавшего считаться с «общедоцентским ханжеством», объявили «ненаучным». Раздражение вызывали и коммунистические воззрения Сухомлинского, его неприятие потребительской философии, характерной для буржуазного, рыночного общества. Что поделаешь, мыслители — люди неудобные, они редко вписываются в прокрустово ложе идеологической конъюнктуры. Вот и Сухомлинский... Некоторые пытались своеобразно «очищать» его от коммунизма, избегая соответствующих цитат и не замечая ту дань времени, которая

неизбежно встречается в его работах. Но и этим они делали Сухомлинскому дурную услугу — точно так же, как коммунистические цензоры калечили Ушинского, «освобождая» его от православия. С горькой иронией представим себе — ведь может такое случиться! — что до наших внуков информация о Сухомлинском дойдёт в следующем варианте: «Во время борьбы сталинистов с цивилизованными посланцами Европейского Экономического сообщества не успел перебежать на сторону «цивилизованных»... Для старшего поколения эти слова — сущий бред. Но приглядитесь к нашим школьникам: защищены ли они от влияния подобной лжи? А ведь и по Сухомлинскому наши потомки смогут судить о великой силе XX века, о его людях, учёных, писателях, великих педагогах. И эта информация, которую мы до них донесём, по сути своей — созидательная. Борцы за «историческую правду», уже сумевшие деромантизировать историю страны в XX веке, вольно или невольно формируют невежественное поколение, восприимчивое к самым радикальным и животным формам самоутверждения. Разве такие семена сеял учитель-коммунист Сухомлинский? Идеалист, придававший большое значение «воспитанию атеистического мировоззрения» не в последнюю очередь потому, что его сознание было религиозным, и его религия требовала верности атеизму... Парадоксально, но подобные сплетения идей и этик не так уж и редки.

Кем был В.А. Сухомлинский к 1957 году? Фронтвик, педагог, директор Павлышской школы, снискавший уважение в своей округе. Человек огромного профессионального опыта, опыта труда, опыта жизненной трагедии. Директор, своим талантом заставивший считаться со своим учительским и управленческим стилем. Идеи Сухомлинского были новаторскими. Они сложились в стройную систему, и уже в конце пятидесятых в Василии Александровиче видели лидера гуманистического направления в нашем образовании. То издание, которое брало на себя миссию регулярно публиковать Сухомлинского, было обречено на широкий и неоднозначный общественный резонанс по поводу этих публикаций. Журнал «Народное образование» сделал ставку на творчество этого человека. Решающую роль в «борьбе за Сухомлинского» сыграл многолетний сотрудник журнала, заместитель главного редактора (им был тогда заместитель министра просвещения Михаил Петрович Кашин) Александр Евсеевич Бойм (публиковался под псевдонимом Александров), искренне увлечённый идеями Сухомлинского, поверивший в его школу. Такое доверие дорогого стоило. Очень скоро всем нашим согражданам, даже тем, кто не интересовался школой и не читал журналов и газет, стало известно украинское село Павлыш, в котором учительствовал Сухомлинский. В новом качестве журнального автора перед Сухомлинским вставали новые задачи: теперь его статей, его мнения по актуальным вопросам воспитания ждали. Этот израненный политрук, учитель словесности из глубинки, вёл профессиональный диалог с читающей публикой с мастерством опытного писателя.

Глубокая связь с традицией русской просветительской классики от Ломоносова до Толстого, мощно присутствующая в статьях Сухомлинского, побудила многих педагогов страны встать на сторону своего павлышского коллеги и разделить его взгляды. И в журнал полетели письма — отклики на статьи, в которых Василий Александрович говорил о гуманизме, о стремлении к идеалу. Говорил, как проповедник. Как выяснилось, многие учителя тосковали именно по таким словам. Ведь только проповедник может так жить и рассуждать: «Я видел важную воспитательную задачу в том, чтобы подростки правильно понимали единство своей самостоятельности и долга перед другими людьми. Без друга-взрослого подросток не может понять ту истину, что независимость отрочества имеет свои разумные границы, а свобода немислима без долга и ответственности. Без снисходительности и сюсюканья я говорил с подростками как с равными о сложности и противоречивости жизни. Эти бе-

письма в.а. сухомлинского кто-нибудь из учеников не знает двигателя! Мы через год-два достигнем того, что двигатель внутреннего сгорания будут знать все ученики после окончания 5-го класса, электромотор — после окончания 4-го класса. В начальной школе вводим элементарнейший курс теоретической и практической электротехники. В 7–8-х классах — элементарный практикум по автоматике. Этого требует жизнь.

30/М - 66 г.

Добрый день, дорогой Александр Евсеевич!

Простите за то, что ещё раз беспокою Вас своим письмом. Меня всё время тревожит: почему Вы сомневаетесь, публиковать или не публиковать беседу о нравственном воспитании. Надо публиковать, нельзя закрывать глаза на те факты и явления, которые имеют место в жизни. Я привёл в статье некоторые факты, и они уже вызывают у Вас опасения: можно ли об этом говорить вслух? Но ведь таких фактов в жизни будет в сто раз больше, если в школах и в семье не будет по-настоящему осуществляться настоящее моральное воспитание. А в моральном воспитании главное — это воспитание человечности, о чём я и говорю в своей беседе.

Если, наконец, не возьмёмся в школах по-настоящему за моральное воспитание, то добрая половина питомцев школ станут бандитами, насильниками, убийцами, хулиганами. Если присмотреться сейчас к жизни, страшно становится за судьбу молодого поколения. Читали ли вы в «Известиях» за 24/VI статью

ПИСЬМА В.А. СУХОМЛИНСКОГО

«Цена жизни»? Аналогичных ужасных фактов — множество. В жизни вокруг нас — сотни тысяч молодых людей, для которых убить человека, надругаться над ним — всё равно, что комара прихлопнуть. Я уверен: будет ещё хуже, если в конце концов в школах не откажутся от болтовни о воспитании, от политической трескотни о моральном кодексе и т.д. и т.п. и не займутся настоящим моральным воспитанием...

Работаю сейчас над «Методикой воспитания».

С дружеским приветом

В. Сухомлинский

24/VI-67 г.

Дорогой Александр Евсеевич!

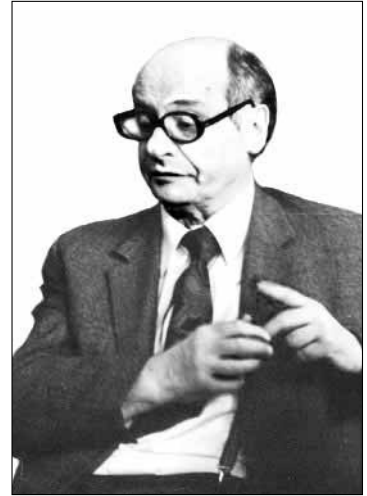
...Я теперь понял, что борьба против эпигонов Макаренко требует сейчас прежде всего защиты живого Макаренко, защиты духа Макаренко — а защита должна, по-моему, заключаться как раз в том, чтобы отменить формализм, «цитатничество», показывать, каким должно быть творческое развитие идей А.С. Макаренко. Вот я и думаю поработать с полгода над статьёй «В защиту живого Макаренко». Хочется красной нитью (на ярких фактах) показать, что быть подлинным макаренковцем в наши дни — это значит творчески подходить к его идеям, развивать их, иногда отказываясь от устаревшего, но это ни в коем случае не означает «низвергать», менять общую целеустремлённость коммунистического воспитания. Сейчас я и работаю над статьёй в этом аспекте.

С большим увлечением работаю над рукописью «Сто практических

седы, по существу, были моими рассказами о людских судьбах, о тонких и противоречивых отношениях взрослых со взрослыми, взрослых с детьми. Я твёрдо убеждён, что каждый в этом бурном и нелёгком возрасте ощущает потребность в этих человековедческих беседах».

В 1958 году Василий Александрович продолжил сотрудничество с журналом, опубликовав в нём несколько статей, привлёкших читательское внимание. Это уже был классический Сухомлинский — сложившийся, мощный публицист, за каждой строчкой которого чувствовалась гражданская позиция, виделась новая школа, педагогическая система, кровно связанная с интересами ребёнка. Эти статьи никого не оставляли равнодушным, выделяясь и «лица необщим выраженьем», и пламенной убеждённостью автора. Конечно, Сухомлинский не был одиночкой, вырванным из контекста эпохи. Напротив, именно в конце пятидесятых, когда страна оттаивала после десятилетий предвоенного, военного и послевоенного перенапряжения, когда гуманистические идеи были востребованы в новых поколениях, воспитанных вне церковных традиций. Сухомлинский был явлением времени — и это подчёркивает его важность для судеб нашей школы, для педагогического сознания учительства. Очень многие, сами того не зная, ждали именно проповеднических мыслей и слов — и жадно внимали как поэтам оттепели, так и педагогам. Мы уже обращали внимание на удивительные совпадения в ходе мыслей В.А. Сухомлинского и С.В. Образцова. Вот и следующая мысль Сухомлинского вполне вписалась бы в ткань фильма «Кому он нужен, этот Васыка». Ведь Сухомлинский совсем по-образцовски призывает к активному — именно активному! — воспитанию добром: «В чём же дело? Никто не учит маленького человека: будь равнодушным к людям, ломай деревья, попирай красоту, выше всего ставь своё личное. Всё дело в одной очень важной закономерности нравственного воспитания. Если человека учат добру — учат умело, умно, настойчиво, требовательно, в результате будет добро. Учат злу (очень редко, но бывает и так), в результате будет зло. Не учат ни добру, ни злу — всё равно будет зло. Человек — сын природы. Ему свойственны человеческие страсти и именно в том и заключается красота человеческая, что он сознательно облагораживает себя, стремится к своему величию и нравственному совершенству». Казалось, они — люди конца пятидесятых — растапливали «вечный полюс», пробуждали в людях лучшее, светлое. Увы, очень скоро и идеализм Сухомлинского, казавшийся таким свежим в пятидесятые годы, оброс потугами эпигонов и стал превращаться в учительский штамп. Но Сухомлинский предвидел эту опасность — и приступил к воспитанию учителей.

В 1959 году он выступал на страницах журнала уже в качестве постоянного автора. К его публикациям привыкло начальство, их ждали читатели. У Сухомлинского появились единомышленники, писавшие о неповторимой индивидуальности каждого ребёнка (см. статью А. Малышевой «В защиту детства» — НО, 1959, № 6). В декабрьском выпуске была помещена новая статья Сухомлинского — «Умственный труд и связь школы с жизнью», в которой как никогда подробно разбирались проблемы внешкольного воспитания и его влияния на жизнь ребёнка в школе.

А.Е. Бойм

В 1961 году, в 10-м номере «НО», Сухомлинскому отводят самое почтенное место в журнале: его статья «Неотложные проблемы теории и практики воспитания» публикуется вне рубрик, что по тогдашней строгой субординации имело глубокий смысл. А ещё раньше, в 5-м номере, статья В.А. Сухомлинского «Человек неповторим» (именно таких образов ждали от Сухомлинского его последователи!) показала всё своеобразие «павлышской системы» со всеми «поповскими словами». Такие выступления в те годы не могли пройти безболезненно для автора. Что поделаешь?.. Позицию, которую занял Сухомлинский, необходимо было отстаивать в жёстких публицистических и аппаратных баталиях. 1962 год был отмечен острыми спорами вокруг имени Сухомлинского, отразившимися и на страницах «Народного образования».

Поначалу всё складывалось с привычной благообразностью: в 6-м номере журнала вышла благожелательная и даже восторженная рецензия А. Левшина на книгу В.А. Сухомлинского «Формирование коммунистических убеждений молодого поколения». Рецензия называлась «Когда идея и труд сливаются». Всё было понятно: журнал поддерживал одного из самых активных своих авторов. Но вокруг имени Сухомлинского уже кипели страсти и журнал не мог не участвовать в этом нелёгком испытании для павлышского педагога.

4-й номер журнала за 1962 год посвящён обсуждению прошлогодней статьи Сухомлинского «Неотложные задачи теории и практики воспитания». Слово от редакции было взвешенным: «С чем согласны и не согласны» (С. Близняк). Другие отклики, даже при их комплиментарности по отношению к Сухомлинскому, не сулили новому властителю дум ничего хорошего. Сам факт возникновения споров по проблематике его работ снижал репутацию Сухомлинского, превращая его в «белую ворону» в глазах чиновников. Итак, в 4-м номере о Сухомлинском спорили: М. Дмитриев («Совершенствовать воспитательный процесс»), А. Паксютов («Идти широким фронтом»), Н. Мацко («Теория и практика воспитания»). Все эти публикации даны с обязательным подзаголовком «Отклик на статью В. Сухомлинского...». Василий Александрович, при его чёткой позиции, бескомпромиссности, убеждённости в собственной правоте и впечатлительности вполне мог воспринять эти выступления как некую расправу. В следующие годы новых статей Сухомлинского в журнале не появлялось... Отсутствие Сухомлинского среди авторов «Народного образования» в 63-м и 64-м годах было тем выразительнее, чем сильнее становился накал полемики вокруг его идей. Но главные бои против «абстрактного гуманизма» были впереди...

В 60-е годы В.А. Сухомлинский выступает перед огромной аудиторией в ответственной роли автора фундаментальных книг о воспитании, о школе. В ответственной — потому что к голосу педагога, снискавшего всеобщую известность и давшего основание для громких споров, прислушивались, а некоторые так и вовсе начинали «жить по Сухомлинскому». В произведениях 60-х годов, ставших завещанием педагога, он выступает скорее писателем, чем исследователем. Скорее в традициях Толстого и Достоевского, чем Ушинского... В этих книгах сильно эссеистическое начало, некая исповедальность. Безусловно, Сухомлинский испытывал решающее влияние «яснополянского мудреца». В книге «Сердце отдаю детям» он поднимается над обыденностью, находит определения для самых сложных, тончайших явлений жизни взрослых и детей. Его становление, как и Толстого, проходило в традициях русского и европейского Просвещения со всем его романтическим рационализмом. Чего стоят одни рассуждения педагога о счастье как о цели воспитания — как вняты в этих словах идеи Руссо, голоса Ломоносова и Державина; слышны здесь и вольнолюбивые мечты декабристов: «Задача школы и родителей — дать каждому ре-

письма в.а. сухомлинского ких советов учителю». Через несколько дней посылаю Вам кусок этой рукописи — вернее, это будет 1-я часть — около 50 советов. К нам в школу приезжают многие учителя из различных уголков страны, я им читаю «Сто советов», все очень одобряют и просят как можно быстрее опубликовать. Сейчас у нас в школе группа директоров школ из г. Иранска Кировской области. Неделю назад были директора школ из Красноярского края, ещё раньше — из г. Кировакана (Армения). В начале сентября будут учителя из Архангельской, Сахалинской областей и из Коми АССР. Это будет очень интересная встреча. Каждый учитель привозит всё новые и новые вопросы к моей книге «Сто практических советов».

Крепко жму Вашу руку.

В. Сухомлинский

31/III-67 г.

Дорогой Александр Евсеевич!

Посылаю главку из книги «Моя педагогическая вера». Мне хотелось бы, конечно, чтобы статья не была сокращена.

Большое спасибо Вам за тёплое, ободряющее письмо...

В книге «Моя педагогическая вера» будет глава «Средства воспитательного воздействия». Я считаю, что важнейшими средствами воспитательного воздействия в школе есть:

- а) личность учителя в широком смысле этого понятия;
- б) слово учителя;
- в) знания;
- г) труд;
- д) духовное общение;

письма в. а. сухомлинского
е) коллектив;
ж) самовоспитание.

Но коллектив как воспитательная сила появляется лишь тогда, когда он воспитан педагогом.

Очень прошу Вас, если Вы будете давать объявление о публикации «100 пр(актических) советов учителю», то так и давайте — 100, а не 50. Первая часть книги — 50 советов — уже готова. Над второй частью я работаю.

В связи с проблемой воспитания юношества у меня возник замысел написать маленькую книжку «Тридцать правил воспитания юношества».

С уважением, В. Сухомлинский

28/XI-67 г.

Дорогой друг, Александр Евсеевич!

Вы в одном письме просили, чтобы я написал о своём рабочем дне. Напишу хотя бы о сегодняшнем рабочем дне. Встаю в 4 часа 30 минут. В 5 часов начинаю работать. Работаю сейчас над книгой «Советы воспитателям юношества». Уже написал страниц 150; это, конечно, черновик, буду переписывать ещё два раза... Работаю до 8 часов. В 8 часов пошёл в школу (занятия у нас начинаются в 8.30). Был на двух уроках у учителей. У меня сегодня один свой урок. Не расстаюсь с записной книжкой — записываю всё, что приходит в голову, к книге «Материнская педагогика»... Это будет книга для родителей. Много читаю...

...У меня к Вам есть просьба: если сможете, достаньте и пришлите мне 3–4 экземпляра «Трудных судеб».

С уважением, В. Сухомлинский

бёнку счастье. Счастье многогранно. Оно и в том, чтобы человек раскрыл свои способности, полюбил труд и стал в нём творцом, и в том, чтобы наслаждаться красотой окружающего мира и создавать красоту для других, и в том, чтобы любить другого человека, быть любимым, растить детей настоящими людьми».

Появилось в статьях Сухомлинского и понятие «духовность», которое воспринималось в те годы как поповское словечко. Он ввёл его в учительский обиход. Атеист по убеждениям, он в то же время о природе (в особенности — о природе человека) говорил так, что не оставалось сомнений: он видел в ней божественное начало, говорил о ней трепетно, прочувствованно: «Человек — сын природы. Ему свойственны человеческие страсти, и именно в том и заключается красота человеческая, что он сознательно облагораживает себя, стремится к своему величию и нравственному совершенству».

Сухомлинскому по душе была природосообразность образования, он не терпел утрат ради результата, не терпел гонки за повышением успеваемости: «Есть в жизни школьного коллектива трудноуловимая вещь, которую можно назвать душевным равновесием. В это понятие я вкладываю такое содержание: чувство детьми полноты жизни, ясность мысли, уверенность в своих силах, вера в возможность преодоления трудностей. Для душевного равновесия характерны атмосфера доброжелательности, взаимной помощи, гармония умственных способностей каждого ученика и спокойной обстановки целенаправленного труда, ровные, товарищеские взаимоотношения, отсутствие раздражительности. Каким путём создать и, что особенно важно, поддерживать душевное равновесие? Опыт лучших педагогов убеждал меня, что самое главное в этой очень тонкой сфере воспитания — постоянная мыслительная деятельность без переутомления, без рывков, спешки и надрыва духовных сил». Учёба не заканчивается выставленной оценкой и усвоением «пройденного». Широко известен парадокс Сухомлинского, в котором раскрывается значение творческого процесса в образовании: «Чтобы ребёнок хорошо учился, нужно... чтобы он хорошо учился». Основной стимул учения по Сухомлинскому — не оценка, не получение аттестата, но разбуженный учителем познавательный интерес! Этот принцип мотивировки школьника был сформулирован Сухомлинским на страницах «Народного образования» ещё в публикациях 50-х годов.

* * *

В 1965 году, после двухгодичного перерыва, Сухомлинский снова печатается в «Народном образовании». В 4-м номере выходит его статья «Нравственные отношения в годы детства и юности». Казалось, педагог умышленно развивал самые радикальные свои мысли, умышленно становился уязвимым для ортодоксально-марксистской критики. В это время в центре внимания публицистов были новые веяния, связанные с личностью министра М.А. Прокофьева. Борьба со второгодничеством, борьба за повышение успеваемости... Сама по себе эта цель была благородной и гуманной: дать всем детям хорошее образование. Именно в те годы учителя 1-й ростовской школы под руководством никому ещё не известного преподавателя пединститута Юрия Константиновича Бабанского начали изучать ребят, их возможности, проводить педагогические консультации, искать оптимальные способы обучения каждого школьника. В те годы Бабанский утверждал: «Выбор форм, методов, приёмов, средств обучения и воспитания — дело самого учителя. Здесь можно только советовать, помогать, консультировать».

1-я ростовская получила широкую известность в стране, доказывая и показывая, что можно работать без второгодников.

В 60-е годы родился и широко известный опыт липецких учителей, которые достигали результата с помощью продуманных методик обучения.

Но ведь не наберёшься на всю страну школ такого уровня, учителей такого филигранного профессионализма, как ростовчане и липецкие педагоги. А каждому начальнику хотелось выглядеть не хуже «маяков». И захлестнул школы страны «девятый вал» очковтирательства («три пишем, два в уме») — позорнейшее явление в истории советской школы, которое не могло не отразиться на учениках, порождая в них лицемерие и цинизм.

Сухомлинский остро чувствовал эту вынужденную педагогическую фальшь и последовательно разрабатывал в своих статьях проблемы нравственности, педагогической совести, гуманизма, духовности... Да ещё без обязательного, как заклинание, определения «классовый»... Оттого и казался чужестранцем с его далёкими на первый взгляд от практических задач идеями.

На 1967 год пришёлся пик литературной активности В.А. Сухомлинского в «Народном образовании». В шести номерах журнала он публикует свои «Этюды о коммунистическом воспитании (Павлышская школа Кировоградской области)». В этой работе педагог не только сделал ещё одну попытку подробно раскрыть свою воспитательную систему, свои принципы, но и показал огромный нравственный потенциал коммунистической идеи. Конечно, тогдашних монополистов от идеологии не могло не насторожить вольное обращение Сухомлинского со столь фундаментальными марксистскими понятиями. В начальственных кабинетах «сложилось мнение» и многие из публицистов посчитали своим долгом одёрнуть вольнодумца. Увы, понимание живительной силы педагогики Сухомлинского для коммунистической идеи пришло позже, когда властям пригодилась и «образцовая» биография Василия Александровича — крестьянского сына, учителя, военного политрука.

18 мая 1967 года, когда «Этюды о коммунистическом воспитании...» только начали печататься в «Народном образовании» (начало «Этюдов...» вышло в 4-м выпуске), профессор Вологодского пединститута Б.Т. Лихачёв опубликовал в «Учительской газете» статью «Нужна борьба, а не проповедь». Полтора миллиона подписчиков «Учительской газеты», привыкших верить печатному слову, прочитали резкую критику взглядов, идей В.А. Сухомлинского.

Василий Александрович сокрушённо отреагировал на огульную критику. В письме заместителю главного редактора А.Е. Бойму, написанном по горячим следам разгромной статьи, Сухомлинский писал: *«Один из осколков так и не смогли удалить из моего тела. Думаю, что теперь он дойдёт до моего сердца... Какая рана нанесена мне «Учительской газетой»; если бы редактор знала, в какие тяжёлые дни преподнесла она мне этот «подарок»... Этих эмоций из биографии Сухомлинского не вырвать, не выбросить. Но нельзя и исчерпывать ими всю сложную гамму взаимовлияний павлышского директора и советской системы.»*

Профессор Б.Т. Лихачёв выступил в роли неистового ревнителя советской идеологии и ринулся в бой с её противниками. Бой, в котором разговор о «душе» виделся ему неким мещанским капитулянтством: «На зло и на правду надо воспитывать не личный, а классовый взгляд». «Вместо конкретной и чёткой программы, изложенной в моральном кодексе строителя коммунизма, вводится туманное понятие, именуемое человечностью». Суровый профессор утверждал, что «человечности вообще», то есть в отрыве от насущных задач общества, не существует. Упрекали Сухомлинского и в христианском духе его системы: «подмена борьбы библейской проповедью», бранили за «идеи мещанского индивидуализма». Предполагалось, что после этой статьи пойдут «отклики широкой общественности, а попросту начнётся травля. Но... «Народное образование» смело продолжило публикацию «Этюдов...» в пяти последующих номерах 1967 года. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС

ПИСЬМА В.А. СУХОМЛИНСКОГО
14/11-70 г.

Добрый день, дорогой друг Александр Евсеевич!

Большое спасибо Вам за письмо.

Спасибо за предложение написать статью о директоре школы (директор и учитель, директор и ученики, директор и родители). Я представляю себе эту статью как размышления о самом главном — педагогических убеждениях коллектива; о том, что директор играет решающую роль в становлении и развитии этих убеждений; о том, что в педагогическом коллективе должна царствовать мысль и ещё раз мысль — мысль о ребёнке, мысль о средствах воспитательного влияния на детей, подростков и юношества (и вдохновителем этой мысли должен быть директор), о воспитании трудных, о воспитании уже в стенах школы будущих родителей — вот что самое важное в той сфере воспитания, которую принято называть педагогическим просвещением. Ведь в школе воспитывают и учат... кого только ни воспитывают — и механизаторов, и хлеборобов, и математиков, и строителей... — об одном только не думают, что всем сегодняшним юношам и девушкам завтра быть отцами и матерями! Это в тысячу раз важнее, чем профессиональная ориентация.

Не запланируете ли Вы мой разговор в «Заочный семинар»? С дружеским приветом

В. Сухомлинский.

5/II - 70 г.

Дорогой Александр Евсеевич!

Это письмо глубоко личное. Пишу его Вам, большому другу. Состоя-

ПИСЬМА В.А. СУХОМЛИНСКОГО

ние здоровья у меня сейчас такое, что через некоторое время два кусочка металла, оставшиеся у меня в груди от войны, продвинулись на несколько миллиметров к какому-то сосуду недалеко от сердца и тогда — можете поверить, что я отношусь совершенно трезво к тому, что произойдёт тогда, но всё-таки было бы лучше, если бы об этом не знать заранее. К сожалению, я знаю об этом. Знаю от врача. Операции новой делать нельзя — сердце не выдержит.

За время, отмеренное мне этими небольшими осколочками, я хочу сделать как можно больше. Буду трудиться изо всех сил, чтобы закончить самое главное — несколько неоконченных книг. Но о неоконченном сейчас не буду говорить.

Я обращаюсь к Вам, дорогой Александр Евсеевич, с просьбой: когда со мной что случится, жена пришлёт Вам несколько оконченных рукописей на русском языке. Они очень дороги для меня. Я считаю их во много раз более ценными и нужными, чем всё опубликованное до сих пор. Они лежат приготовленные к передаче Вам, жена знает Ваш адрес. Вот о каких книгах (рукописях) идёт речь:

1. Методика воспитания ученического коллектива — 370 стр.
2. Пособие по этике для учителя («Как воспитать настоящего человека») — 710 стр.
3. Хрестоматия по этике — 10 частей (для каждого класса) — общий объём свыше 1200 стр.
4. Культура педагогического труда — 457 стр.
5. Знания и убеждения — 293 стр.
6. Методика работы со слабоумными детьми — 453 стр.

перо»... Один за другим поднимались журналисты «УГ» на трибуну: Олег Битов, Владимир Ермолаев, Игорь Тарабрин, Борис Волков, Яков Пилиповский, Ирина Складар, Алла Орлеанская — все «золотые перья» редакции горячо выступили... в защиту В.А. Сухомлинского против его шельмования. Идеологически, а скорее человечески редакция разделилась тогда словно «стенка на стенку». И... осуждающей резолюции не получилось!»¹ Так боролись за Сухомлинского журналисты «Учительской газеты». Были у Василия Александровича сторонники и в правительстве, и в ЦК КПСС.

Тем, кто представляет Сухомлинского «жертвой советской системы», а события апреля 1967 года — роковыми в жизни педагога, неплохо было бы знать, что через несколько месяцев после всей этой истории, бесспорно неприглядной, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный вручил Василию Александровичу Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина — высшую награду страны. Тогда же, в 1968 году, Сухомлинского избирают действительным членом Академии педагогических наук СССР, а в 1969 году ему присуждают почётное звание заслуженного учителя школы УССР. Однако, читая иные статьи 90-х годов, посвящённые жизни Сухомлинского, можно подумать, что выдающийся педагог был чуть ли не репрессирован, что он чуть ли не рядом с Ларисой Богораз участвовал в демонстрациях протеста на Красной площади. Воистину, святую правду охраняют батальоны лжи. Одномерной истории, в которой талантливого человека можно представить жертвой эпохи, в действительности не было.

В жизни Сухомлинского были трагедии, драматизм. Лёгких путей и хамелеонского умения адаптироваться в любых ситуациях талантливым людям не обещали ни Аристотель, ни Маритен. Не ждал их и сам Сухомлинский. Но у Василия Александровича сложилась счастливая профессиональная судьба в стране, которая наилучшим образом соответствовала талантам и убеждениям педагога.

Ни в 1968-м, ни в 1969-м новых публикаций Сухомлинского в журнале не появилось. Не было в «Народном образовании» и разоблачительных статей, направленных против идей Василия Александровича. К чести главного редактора Михаила Петровича Кашина, «Народное образование» не шарахалось из стороны в сторону в своих взглядах на Сухомлинского в зависимости от колебаний «генеральной линии».

решил использовать все «рычаги», в том числе журналистский коллектив «Учительской газеты», для осуждения идей Сухомлинского. Н.И. Целищева вспоминает, что происходило в коллективе «Учительской газеты» вскоре после публикации статьи Лихачёва: «...Никогда не забуду того весеннего партийного собрания: оно напоминало сражение на баррикадах, только к штыку тогда «приравняли

¹ Целищева Н.И. Несколько страниц из жизни журнала. // Народное образование. 2000. № 10. С. 396.

В 1970-м Василий Александрович умер. Умер полным сил пятидесятилетним человеком — и с этого времени о нём писали только с пиететом. Продолжались и публикации ранее не опубликованных работ педагога, а также извлечения из его книг. Так, в 1979 году, в 9-м номере, вышла статья Сухомлинского «Н.К. Крупская и развитие методики коммунистического воспитания». Одна из многих в журнале после смерти педагога.

Феномен нашей духовности устоял в XX веке во многом благодаря таким людям, как Сухомлинский. Во многом тот же путь — мировоззренческий — проделал современник Сухомлинского, другой наш великий атеист, радевший за духовность, — Сергей Владимирович Образцов.

В центре внимания Сухомлинского был свободно развивающийся человек. В ситуациях противоречий между личностью и коллективом Василий Александрович чаще становился на сторону личности. Но в его идеологии большое место отведено понятиям долга, служения жертвенности: «У человека, которого мы воспитываем, должны быть святые истины и святые имена, святые принципы и святые, непререкаемые, незбылемые правила поведения. Как добиться, чтобы в душе каждого утвердилось святое и незбылемое? Средоточием нравственности является долг. Долг человека перед человеком, перед обществом, перед отечеством. Долг отца и матери перед детьми, долг детей перед родителями. Долг личности перед коллективом, долг перед высшими нравственными принципами. Чувство долга — это не узы, связывающие человека. Это подлинная человеческая свобода. Верность долгу возвышает человека».

Повторим ещё раз: Сухомлинский был сыном крестьянской православной культуры, коммунистического романтизма и идей просвещения. Он верил в преображение мира путём воспитания его граждан. И если он ставит личность выше коллектива, то здесь не идёт речь о воспитании эгоизма, индивидуализма. Сухомлинский подчёркивает преимущество долга перед обществом, без соблюдения которого гармоничное развитие человека невозможно. Отметим скрытую полемику с эпигонами А.С. Макаренко, ощутимую во многих выступлениях Сухомлинского. Для вдохновения Сухомлинскому (как и любому публицисту и большинству исследователей) был необходим полемический запал. И, проповедуя педагогику, направленную на раскрытие способностей человека, Василий Александрович нередко атаковал искажённые, канонизированные советской практикой макаренковские представления о воспитательной роли коллектива. В действительности одно не мешает другому и, со взаимными компромиссами, личность и коллектив могут и ужиться, и развиваться в рамках единой педагогической системы. Как писателю, ему был необходим *конфликт*, это незаменимое продуктивное направление творчества.

Сухомлинский не прекращал поиск новых средств влияния на «духовный мир ребёнка». Как воспитатель, он был творчески неистощим, черпая вдохновение и в народных традициях, в народной украинской педагогике, культуре, с которыми был связан крестьянским детством. Многие его педагогические открытия поразительно точны и актуальны. Глубокий анализ истории фольклора и психологии современного человека побудил Сухомлинского серьёзно относиться к такому действенному инструменту воспитания человеческой души, как музыка: «Музыка — могучий источник мысли. Без музыкального воспитания невозможно полноценное умственное развитие ребёнка. Первоисточником музыки является не только окружающий мир, но и сам человек, его духовный мир, мышление, речь. Музыкальный образ по-новому раскрывает перед людьми особенности предметов и явлений действительности. Внимание ребёнка как бы сосредоточивается на предметах и явлениях, которые в новом свете открыла перед ним музыка, и его мысль рисует яркую картину; эта картина просит-

письма в. а. сухомлинского

7. Трудные дети — 311 стр.
8. «Сердце отдаю детям» (часть III; Работа с юношеством) — 378 стр. (вторая часть будет издана в 1970 г. в издательстве «Радянська школа»).
9. Воспитание педагогических склонностей у старшеклассников — 213 стр.
10. Родительская педагогика, ч. I — 338 стр.
11. Родительская педагогика, ч. II — 413 стр.
12. Единство нравственного и эстетического в воспитательной работе — 189 стр.
13. Педагогика как творчество — 532 стр.
14. Руководство умственным трудом на уроке — 246 стр.
15. Теория и практика руководства школой — 403 стр.

Я веряю их Вам, дорогой Александр Евсеевич. Что сможете — то и делайте с ними... Меня волнует только то, чтобы хоть кое-что дошло до учителей.

Не подумайте, что у меня pessimistическое настроение. Нет, я большой оптимист. Я очень рад, что до последней минуты буду с детьми, что буду не тлеть, а гореть. Я написал Вам это письмо только потому, что очень трезво смотрю на вещи,

С уважением, В. Сухомлинский.

11/IV-70 г.

Добрый день, дорогой Александр Евсеевич!

Меня удивляет Ваш вопрос: выписываю ли я журнал «Народное образование». Слава богу, выписываю уже больше двадцати лет, да и в школу получаем один экземпляр.

ПИСЬМА В.А. СУХОМЛИНСКОГО
Среди учителей журнал наш пользуется большим авторитетом.

Мне кажется, журналу нашему надо писать больше по самым больным, острым проблемам — как раз по тем проблемам, по которым советская педагогика уже много лет стоит на месте — воспитание личности и коллектива, методика воспитательного влияния;... вообще следовало бы написать серию статей об учителе как личности (мне совершенно отчётливо представляется эта тема); проблема индивидуального подхода (не общеизвестные истины, а по существу); система этического воспитания в школе; предотвращение правонарушений и преступности (именно предотвращение — с малых лет!); воспитание силы духа, мужества, идейной стойкости, нестигаемости личности (не пустая болтовня, а технология этого дела); воспитание слабоумных, малоспособных детей (ведь это огромная социальная проблема!) школа и общество, школа и современная семья; нравственная подготовка молодого поколения к браку, семейной жизни, воспитанию детей (это исключительно важная проблема, в тысячу раз важнее всех технических средств). Это лишь часть тех проблем, по которым, мне кажется, надо писать. А бороться надо за настоящего учителя, за настоящую личность педагога — думающего, просвещённого — преисполненного достоинства и гордости за свой труд, не допускающего и мысли о том, чтобы на белое сказать чёрное...

Учитель — совесть народа — вот как звучит для меня одна из тем, на которую так и чешутся руки написать... Бороться надо также за моральную чистоту и благородство нашего воспитанника. За то, чтобы он был не терпим и непримирим к мерзостям.

С уважением, В. Сухомлинский.

ся в слово. Ребёнок творит словом, черпая в мире материал для новых представлений и размышлений. Музыка — воображение — фантазия — сказка — творчество — такова дорожка, идя по которой ребёнок развивает свои духовные силы». Со временем психологи разных направлений и стран пришли к аналогичным выводам. Сухомлинский был одним из первых, а потом его коллеги *«конвергентно воспроизвели»* (вот уж выраженьице!) педагогические открытия павлышского директора.

«Формирование коммунистических убеждений молодого поколения», «Сердце отдаю детям», «Воспитание гражданина»... Эти книги читали не только педагоги и исследователи, они получили всенародную известность, разошлись в цитатах. Мы уверены, что десятилетнее сотрудничество с «Народным образованием» повлияло и на судьбу этих книг. Именно сотрудничество с журналом позволило Сухомлинскому достичь литературного успеха, ощутить педагогическую действенность печатного слова. Немаловажно и то, что в «Народном образовании» Сухомлинский уже в 50-е годы дважды оказывался в центре активной дискуссии, в которой участвовали и педагоги, и журналисты, и читатели журнала.

Многие современные либералы представляют Сухомлинского жертвой советской системы. Это несложно — рассказать о газетной травле, привести несколько выхваченных из контекста резюме «руководящих товарищей»... А то, что в послевоенном Советском Союзе статус Героя Социалистического Труда и академика был по-настоящему высок, — об этом можно и не упоминать. Сейчас, когда скороспелых академиков у нас тысячи, эти звания не впечатляют. Увы, немногие сегодня трезво представляют себе, какая страшная альтернатива была у нашего советского государства. Адаптируя Сухомлинского под нынешние стереотипы, зачастую используют действительно прискорбные советские традиции, а именно *теорию вопрекизма*. Помните? Гений Ломоносова, Суворова, Пушкина реализовался только *вопреки* гнусной действительности царской России. Эта мысль перепевалась на разные лады в учебниках истории и литературы. И сейчас ошибочно думают, что Шолохов, Шостакович, тот же Сухомлинский реализовались вопреки, а не благодаря тому обществу, той культуре, которая их окружала и формировала. Так зачем же сейчас перенимать худшее из советской практики, если в той же советской практике было столько дельного?

Жаркие споры (не будем их драматизировать!) прошли, и после смерти в 1970 году Василий Александрович Сухомлинский сразу стал легендой, вошёл в сознание миллионов сограждан, стал именем нарицательным, обозначающим Педагога. Поэт — Пушкин, полководец — Суворов, учитель — Сухомлинский. Такая посмертная судьба достаётся только людям, вполне проявившим свой талант и не запятнавшим его фальшивыми нотами биографии... (Помните у Некрасова: «Не торговал я лирой, /Но бывало из лиры звук неверный исторгала/ Моя струна...»)

Смерть педагога примирила его друзей и недругов. Так бывает, так и должно быть. У талантливых людей и должна быть счастливая посмертная судьба, а земная жизнь была для Сухомлинского непредставимой без испытаний, без подвига. Скажете, мы психологизируем? Но сам Сухомлинский придавал психологическим мотивировкам огромное значение в судьбе человека.

...Меняется время, меняются направления общественной мысли, но память о великом учителе и проповеднике нравственности, духовности остаётся плодоносящей ветвью нашей культуры. И сейчас в журнале «Народное образование» сохраняется интерес к Сухомлинскому — нашему автору, о котором будут говорить, спорить и в XXI веке.